

ПУТЬ К ПУШКИНУ...

(Из исканий советской филологической науки 20-х годов)

Григорий Осипович Винокур (1896—1947) принадлежит к плеяде замечательных советских ученых-пушкинистов, чьим трудом было создано современное пушкиноведение. Вклад в него Г. О. Винокура важен и весом: в 30-е годы он — редактор «онегинского» тома в Собрании сочинений А. С. Пушкина 1935—1936 годов, в 1935 году вышел «пробный» том большого академического издания сочинений поэта, содержащий отредактированный Г. О. Винокуром текст «Бориса Годунова» и комментарий к нему. Обе эти редактуры имели принципиальный характер, так как сопровождались широкой текстологической работой, а также специальной разработкой орфографических правил издания пушкинских текстов. Параллельно Г. О. Винокуром был написан ряд статей, не утративших и в наше время своего научного значения. Среди них такие, как «Вольные ямбы Пушкина», «Слово и стих в «Евгении Онегине», «Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина» и др. С конца 1938 года Г. О. Винокур руководил работой по созданию словаря языка Пушкина, продолженной после его смерти под руководством В. В. Виноградова. В ЦГАЛИ находится подготовленная Г. О. Винокуром к печати и не увидевшая свет из-за смерти автора книга «Очерки истории текста и языка Пушкина». Список и перечень трудов ученого, связанных с именем и творчеством Пушкина, можно было бы продолжить¹.

Одновременно следует отметить, что ученого влекло к Пушкину не холодное любопытство, которое оставляет исследователя равнодушным к самому предмету изучения. «Пушкин, —

¹ См.: Ц е й т л и н Р. М. Григорий Осипович Винокур (1896—1947). М., 1965, с. 31—43.

писал Г. О. Винокур, — одна из самых актуальных проблем русской филологии, как совокупность дисциплин, имеющих общей задачей посредством критики и интерпретации текстов раскрытие русского национального духа в его словесном воплощении. Без филологического изучения Пушкина, предполагающего в первую очередь раскрытие истории пушкинских текстов в связи с анализом стиля, метрики и языка, невозможен дальнейший прогресс в познании Пушкина как русского великого поэта и лучшего представителя русского национального самосознания»². В этих словах Г. О. Винокура сказалось его понимание Пушкина как одной из вершин русской национальной культуры, имеющей значение непреходящего образца, по которому последующие поколения выверяют свои представления об эстетическом и нравственном идеале. Однако такой взгляд был присущ ученому не во все моменты его научной и личной биографии. Данная статья посвящена поискам Г. О. Винокура (а с ним и целого поколения советских филологов и литераторов) пути к Пушкину, к пушкинскому историзму и гармонии, оплодотворившим советскую литературу и советскую филологическую мысль.

Поворотным пунктом в научной эволюции Г. О. Винокура в середине 20-х годов является его позиция, отразившаяся в альманахе «Чет и нечет» (1925), носившем характер своеобразного сборника-манифеста, чем была так богата литературная жизнь той поры. В «Предисловии», открывавшем сборник, говорилось следующее: «Мы не можем не сказать несколько слов о своеобразном положении того литературного поколения, к которому мы принадлежим.

Поколение это формировалось в атмосфере, созданной футуризмом. Разрушительные тенденции этого течения были по существу антикультурными. Самое понятие поэзии было извращено. Замуровав будущее, футуризм поставил неодолимую преграду между настоящим и прошлым. Замкнулись источники мировой поэзии. Темные стихии слова вырвались наружу из берегов.

Пробивая себе дорогу к настоящему искусству, мы вынуждены были выбирать между культурой и тем, что ей в некотором смысле противопоставляется <...>

Наше отталкивание от футуризма не есть простое преодоление отжившего течения. Мы полностью отмечаем футуризм как традицию.

² Цит. по кн.: Ц е й т л и п Р. М. Указ. соч., с. 32.

Наследие прошлого живо для нас. Но мы не стилизаторы и не реставраторы. Вырвавшись из душного футуристического плена, мы с особой силой ощущаем чистый воздух культуры прошлого. Но оно не может заменить нам настоящее и отвлечь нас от устремлений в будущее»³.

Предисловие это написано либо самим Г. О. Винокуром, который фактически являлся издателем сборника, либо при его ближайшем участии и отражает мысли и чувства самого ученого, а также свидетельствует о его представлениях о традициях и перспективах филологической науки второй половины 20-х годов.

Что же «преодолевалось» Винокуром и теми, кто выступил на страницах альманаха, где встречаются имена Филиппа Вермеля и Алексея Чичерина, Бориса и Льва Горнунгов, Сергея Спасского и Александра Ромма? В ответ следует сказать, что их свели разные устремления: «Предисловие» отвечает прежде всего позиции самого Винокура. А им «преодолевался», конечно, не столько «футуризм» как литературное течение, которое к моменту выхода альманаха в свет уже успело себя изжить, сколько связанные с традициями футуризма идеология «Левого фронта искусств», с одной стороны, и методология филологического формализма «опоязовского» толка, с другой. Однако пояснение к сказанному требует более отдаленного экскурса в филологическую «биографию» ученого.

Еще в студенческие годы, учась в Московском университете в пору последних предреволюционных лет, Г. О. Винокур принимает активное участие в создании и работе Московского лингвистического кружка (МЛК), образованного при Московской диалектологической комиссии и ставившего перед собой задачи чисто лингвистического характера⁴.

После революции программа занятий МЛК существенно меняется: в 1919 году в состав Кружка входят «петроградцы», группировавшиеся с 1916 года вокруг «Общества изучения поэтического языка» (ОПОЯЗ)⁵, что привело к фактическому взаимодействию Кружком как методологии, научной и полемической аргументации, так и издательской марки ОПОЯЗ'а⁶.

³ Чет и нечет: Альманах поэзии и критики. М., 1925, <не нум.>.

⁴ О МЛК см.: Краткая литературная энциклопедия, т. 9, стб. 542—543.

⁵ Об ОПОЯЗ'е см.: Краткая литературная энциклопедия, т. 5, стб. 448—451.

⁶ Так, книга А. А. Реформатского «Опыт анализа повеллестической композиции» (М., 1922) носила издательскую марку «Московский кружок «ОПОЯЗ».

Однако это сотрудничество обеих научных групп продолжалось сравнительно недолго: наиболее активные члены МЛК — Роман Якобсон и Г. О. Винокур — весной 1920 года отправились за границу на советскую работу. Роман Якобсон в качестве «переводчика полпредства СССР в Чехословакии», как его именовал в своем «втором письме» Виктор Шкловский⁷, Винокур — в Прибалтику, сначала референтом-переводчиком, впоследствии заведующим Бюро печати при полпредствах РСФСР в Эстонии, а затем в Латвии, где он оставался вплоть до возвращения в Москву в марте 1922 года.

Вернувшись в СССР, Г. О. Винокур сразу же включается в научную жизнь столицы. Впрочем, это не совсем верно, поскольку научные связи с бывшими товарищами и единомышленниками по МЛК поддерживались им и во время его нахождения в Прибалтике. Для восстановления личных контактов с членами МЛК Г. О. Винокур воспользовался командировкой в Москву в конце лета 1921 года, во время которой он посещал заседания Кружка. И однако едва ли не самым значительным событием для него в этот период было личное знакомство и сближение с В. В. Маяковским⁸.

По возвращении в СССР Г. О. Винокур становится председателем МЛК, оставаясь им по май 1924 года. Тогда же им устанавливаются тесные контакты с «лефовцами», а также восстанавливаются личные связи с бывшими членами ОПОЯЗ'а (О. М. Бриком, В. Б. Шкловским, Б. М. Эйхенбаумом, Ю. Н. Тыняновым, Б. В. Томашевским), а также с остающимися в Праге Р. О. Якобсоном и П. Г. Богатыревым.

Это были годы, когда Маяковским вынашивалась идея создания единого «Левого фронта искусств», который поставил бы задачу нахождения «коммунистического пути для всех родов искусств», как об этом говорилось в заявлении поэта, поданном в Агитотдел ЦК РКП(б) в начале 1923 года. Понимая, что «коммунистическое искусство (часть культуры и ком. вообще!) — область еще смутная, не поддающаяся еще точному учету и теоретизированию, область, где практика, интуиция обгоняет часто головитейшего теоретика»⁹,

⁷ См.: Шкловский В. Третья фабрика. М.; Л., 1926, с. 68.

⁸ Этому не противоречит тот факт, что поэзия Маяковского привлекала Г. О. Винокура задолго до личного знакомства: первым выступлением его в печати была рецензия на дореволюционное издание поэмы Маяковского «Облако в штанах».

⁹ Цит. по кн.: Катанян В. Маяковский: Литературная хроника 3-е изд. М., 1956, с. 175. 177.

Маяковский рисовал в своем воображении ЛЕФ как свободное объединение художников, режиссеров, поэтов и филологов, группирующихся вокруг журнала и стремящихся к поискам новых путей в искусстве. Именно поэтому предполагалось смелое экспериментаторство, новаторский поиск. «Ничто не канонизируется, ничто не берется как достижение, как образец, как готовый стиль. Нужно еще создать новый поэтический язык, живые поэтические формы, литературный стиль революционной эпохи. Те, кто искал в этом направлении, и должны были, по мысли Маяковского, входить в ЛЕФ»¹⁰, — пишет С. Владимиров, стремясь воссоздать намерения и цели поэта, создающего свой журнал.

Разумеется, далеко не все, что появилось на страницах ЛЕФ'а, выдержало проверку временем. Да и сама группа во многом отступила от требований, выдвигаемых Маяковским. В 1930 году он говорил следующее: «ЛЕФ — это эстетическая группа, которая <...> сделала из революционной литературы замкнутое в себе новое эстетическое предприятие»¹¹. Упрек этот справедлив. И тем не менее нельзя не отметить и позитивного значения журнала. А оно заключалось в том, что «и цели, которые ставил журнал, — создание коммунистического искусства, — и общение с Маяковским и другими революционными поэтами оказывали положительное влияние на часть художественной интеллигенции, близкой к ЛЕФ'у и отличавшейся до этого аполитизмом, эстетической замкнутостью»¹². Сказанное относится не только к писателям, но и к ученым-филологам, а в особенности к бывшим «опоязовцам», еще совсем недавно активно отстаивавшим тезис об аполитичности искусства и филологической науки.

Имея в виду опоязовские рецидивы, Маяковский в обращении «Кого предостерегает ЛЕФ?» писал:

«Опоязовцы!

Формальный метод — ключ к изучению искусства. Каждая блоха-рифма должна стать на учет. Но бойтесь ловли блох в безвоздушном пространстве. Только рядом с социологиче-

¹⁰ Владимиров С. Об эстетических взглядах Маяковского. Л., 1959, с. 112.

¹¹ Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1959, т. 12, с. 411.

¹² Очерки русской советской журналистики. 1917—1932. М., 1966, с. 320.

ским изучением искусства ваша работа будет не только интересной, но и нужной»¹³.

В связи со сказанным становится понятной эволюция филологов ЛЕФ'а, в частности, Г. О. Винокура.

Его первая статья, напечатанная в ЛЕФ'е и носившая название «Футуристы — строители языка», в значительной степени строилась в плане представлений, выработанных эстетикой футуризма и теоретическими посылками формализма. Для позиции Винокура показательны, к примеру, следующие заявления: «Футуристы первые сознательно приступили к языковому изобретению, показали путь языковой инженерии <...>»¹⁴

В статье была недвусмысленно противопоставлена работа футуристов в области речетворчества той языковой революции, которая была произведена Пушкиным. Последний, по мнению Винокура, пошел «по линии наименьшего сопротивления», выбрав в качестве образца «язык просвирен», тогда как футуристы сами создают речевые образцы. И поэтому, «если Пушкин — завершитель, канонизатор, то Маяковский и футуристы — зачинатели, революционеры»¹⁵.

Эти и подобные им высказывания закрепили за Винокуром репутацию формалиста: отзвуки подобного рода мнений продолжали встречаться в научной литературе даже 50-х годов. А между тем сам Винокур подверг свои лефовские выступления решительной критике, что произошло довольно рано. Даже в цитировавшейся выше статье Винокур полемизирует с теми филологами, кто предпочитал оставаться на позициях «старого» ОПОЯЗ'а: полемика велась по линии оценки «зауми», а также в связи с опоязовским делением языка на «поэтический» («самоценный») и «практический» (коммуникативный по своему назначению). На взгляд Винокура, и тот и другой «языки» имеют смысловое задание. В третьем номере ЛЕФ'а, рецензируя вышедшую в Берлине книгу Р. Якобсона и П. Богатырева «Славянская филология в России за годы войны и революции (1923)», Винокур, в целом положительно оценив намерение авторов ознакомить Европу с достижениями русской филологической мысли, счел тем не менее нужным указать на изменения, происшедшие в СССР после

¹³ Маяковский В. В. Полн. собр. соч., т. 12, с. 49.

¹⁴ ЛЕФ, 1923, № 1, с. 208.

¹⁵ Там же, с. 207.

отъезда обоих ученых за границу: «Многое в подлежащей брошюре нуждается в чисто фактических дополнениях и исправлениях. В частности, во многом изменилась жизнь Московского лингвистического кружка, который так часто и так сочувственно поминают авторы (сами активные работники Кружка в прошлом), и «направление» которого существенно отклонилось от пути, некогда предначертанного ему славным содружеством молодых питомцев московской лингвистической школы и питерских исследователей поэтического языка (ныне — «оноязовцев»)»¹⁶. Концовка многозначительна: критическое отношение к своей собственной позиции у Винокура усилывалось, и поэтому не случайно, а вполне закономерно в следующем, последнем номере ЛЕФ'а, в котором ученый сотрудничал, появляется его заметка, содержащая такое признание: «Каюсь, роль годового свидетеля и адвоката ОПОЯЗ'а — не совсем по мне: ошибки последнего мне известны и ясны»¹⁷.

Однако Винокур не остановился на пассивной критике тезисов группы, которые, как он считал, полностью утратили свой былой позитивный характер и превратились во вредоносный анахронизм. Теория и практика ЛЕФ'а, связанного с наследием футуризма, вынуждают Винокура пойти на прямой разрыв с журналом. Об этом свидетельствует его письмо от 21 февраля 1925 года О. М. Брикку, теоретику «Левого фронта», в котором деликатно, но твердо заявлялось об уходе из журнала: «В течение двух лет я был оторван от русской культурной жизни, что обусловило возможность временного подчинения моего некоторому влиянию так называемой идеологии левого фронта.

Но при этом условии, для меня, конечно, весьма несчастливом, я, отдавая свою первую статью в ЛЕФ, никак не мог предвидеть, что ЛЕФ будет тем, чем он стал. С выхода первого номера и начинается история моих сомнений (ее нетрудно подметить и по статьям моим), которые после выхода номера четвертого превратились в твердую уверенность, что мне с Вами не по пути. Вряд ли есть нужда в том, чтобы выяснять здесь наши с Вами разногласия. Поверьте, они настолько велики, настолько принципиальны, что их не закрывает ни в малейшей степени случайное схождение интересов наших на

¹⁶ ЛЕФ, 1923, № 3, с. 173.

¹⁷ ЛЕФ, 1923, № 4, с. 203.

вопросах техники речи. Их нельзя назвать разногласиями. Это в корне иное понимание и отношение к нашей культурной действительности, к литературе, к ее задачам»¹⁸.

Порывая с журналом, где так живучи оказались групповые предрассудки, уходящие своими корнями в футуризм и формализм, Винокур счел своим долгом выступить с публичным заявлением, в котором он определил отношение свое и своего поколения к футуризму и классическому наследству. Как мы знаем, это было сделано в альманахе «Чет и нечет».

Оценивая с позиций пересмотра место и значение футуризма в истории литературы и культуры, Винокур решает огорчить ошибочный характер некоторых своих утверждений, сделанных в ЛЕФ'е. В предисловии к книге «Культура языка» (1925) он писал: «С изданием настоящей книги переработанные здесь старые статьи свои в том виде, как они были напечатаны впервые, я считаю просто несуществующими»¹⁹.

В каком же направлении велась переработка статей, включенных в сборник?

В первую очередь изменилась оценка речетворчества футуристов. Статья, которая в ЛЕФ'е носила заголовок «Футуристы — строители языка», здесь получила название «Речевая практика футуристов». Уничтожающе звучал ее вывод: «История практической речи может <...> пройти мимо футуристической позиции вполне равнодушно. Широкому социальному стилистическому творчеству все это нужным быть не может»²⁰.

Поставив задачу создать язык «безъязыкой улицы», футуризм кончает «самопародированием» или «несостоятельной попыткой нарушения предельных норм общежительного языка»²¹. Не только «заумь», теперь даже суффиксальные и аффиксальные новообразования Хлебникова воспринимаются Винокуром как «гипертрофическое, порою болезненное, развитие грамматических аналогий»²². Подобным же образом оценивается и поэзия Хлебникова в статье, написанной Винокуром для «Русского современника». На взгляд ученого, Хлебников — поэт неосуществленных возможностей. И дело не

¹⁸ ЦГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, ед. хр. 244.

¹⁹ В и н о к у р Г. Культура языка: Очерки лингвистической технологии. М., 1925. с. 3.

²⁰ Там же, с. 199.

²¹ Там же, с. 199, 196.

²² Там же, с. 192.

только в особенностях биографии поэта. «Не только внешняя судьба Хлебникова <...> повинна в том, что из человека, наделенного несомненными признаками поэтической гениальности, в конечном итоге — будем честны хотя бы перед памятью поэта — ничего не вышло»,²³ — пишет Винокур. Причины творческого краха Хлебникова не столько субъективного, сколько объективного порядка: антикультурное явление, чем стал в истории литературы футуризм, обрекло поэта на блуждания в тупиках. И поэтому «мнение, будто Хлебников — исток новой поэзии, <...> основано на явном преувеличении и несомненно искажает историческую перспективу. Хлебников своей традиции не создал»²⁴.

Осуждая футуризм, Винокур, делает исключение для Маяковского, творчество которого, по его мнению, совершенно неправомерно не только соизмерять, но даже сближать с футуризмом: «Возьмем <...> Маяковского. Чуть не характернейшей чертой его поэтической речи являются приставки: все эти «вы», «из», развитые до крайних пределов. Но они не бьют в глаза как грамматические упражнения: это не сборник хлебниковских лингвистических шарад, а скорее некоторые примеры разгаданных уже хлебниковских загадок, воплощенных уже в подлинную форму: именно поэтому и отличается так сильно поэзия Маяковского от тех канонов и деклараций, с которыми выступили «кубо-футуристы» впервые»²⁵. Эта подлинность связана с тем, «что поэзия Маяковского <...>, который сумел уйти от противостественных заданий и канонов раннего футуризма, обнаруживает ряд действительно интересных речевых построений, близко сращивающихся с обыденной разговорной речью, со своеобразным будничным «арго». Маяковский не стал, конечно, от этого «учителем» нашей речи, ведь не такова была самая задача футуризма — стилизовать разговорную речь, — но стоит во всяком случае отметить, что он сумел нащупать верный ее тон»²⁶.

В статье о Хлебникове противопоставление поэзии Маяковского поэтическим навыкам футуризма проведено с большей резкостью и категоричностью: «Сам Маяковский считает, что он весьма обязан своему «гениальному учителю»; в дей-

²³ Винокур Г. Хлебников. — Русский современник, 1924, № 4. с. 223.

²⁴ Там же, с. 224.

²⁵ Винокур Г. Культура языка, с. 193

²⁶ Винокур Г. Культура языка, с. 194.

ствительности же, усвоив ряд внешних приемов хлебниковского письма, Маяковский очень скоро вышел за рамки, которые намечались для русского поэтического слова творчеством Хлебникова. <...> Маяковский и Хлебников не только не родственны друг другу, но они просто — антиподы»²⁷.

Интерес к творчеству Маяковского Винокур сохранил на протяжении всей своей жизни. В годы войны им была написана книга «Маяковский — новатор языка» (1943), занимающая в научной литературе о поэте свое почетное место. Здесь, освободившись от крайностей, которые сопровождали его разрыв с ЛЕФ'ом, Винокур смог более объективно оценить не только Маяковского, но и Хлебникова. Так, выступая 25 ноября 1945 года в Библиотске-музее В. В. Маяковского, он, говоря о праве поэта на открытия, отдал дань Хлебникову, заявив, что ему «принадлежит свое законное место в среде этих открывателей»²⁸.

Вообще желание «отойти немного от чисто академических тем и заняться кое-чем в стиле наших молодых лет»²⁹, высказанное им в письме Б. М. Эйхенбауму, написанном в 1944 году, подтверждает, что ученый до самой своей смерти сохранил интерес к проблемам стилистики поэтических школ начала века, и что штудии 20-х годов, в его представлении, не были только цепью ошибок и заблуждений. Сознавая значительность сделанного в ранний период своей научной деятельности, он признавался в открытке, направленной тому же адресату 23 декабря 1943 года: «Нужны мемуары о нашем «замечательном десятилетии» («десятилетии» не в буквально-числительном значении) — я уже говорил Вам об этом. Нет никакого самохвальства в трезвом констатировании того факта, что «мы» (Вы понимаете, кого я включаю сюда) прожили в своей молодости <время> замечательное поистине, как бы много глупостей и чепухи, как все молодые люди, ни делали»³⁰.

Однако бесспорно и то, что прийти к своему позднему наиболее зрелому этапу, сопровождающемуся своеобразным подведением итогов теоретического характера (показателем чего стали статьи «Об изучении языка литературных произведений» и «Понятие поэтического языка»), Винокур смог благо-

²⁷ Винокур Г. Хлебников. — Русский современник, 1924, № 4, с. 224.

²⁸ Цит. по кн.: Ц е й т л и н Р. М. Григорий Осипович Винокур, с. 22.

²⁹ ЦГАЛИ, ф. 1527, оп. 1, ед. хр. 364.

³⁰ ЦГАЛИ, ф. 1527, оп. 1, ед. хр. 364.

даря тому, что 30-е годы были порой его вхождения в мир пушкинского гения. Именно работа над творчеством Пушкина помогла ученому выработать исторический взгляд на литературный процесс, пушкинская гармония — обрести критерии оценки и современных культурных и литературных явлений. Недаром в одной из статей ученого мы находим следующее признание: «Языковая деятельность Пушкина, который сто лет тому назад, в совершенно другой культурной обстановке, со всей глубиной, присущей его замечательной личности, продуктивно ставил и разрешал спорные вопросы, приобретает в наши дни значение поучительного исторического примера и прекрасного образца»³¹. Иными словами, осознав значение фигуры Пушкина в истории литературы и культуры, Винокур смог верно осознать место и характер творчества поэтов-современников, таких, как Маяковский и Хлебников. В сознании Винокура (в этом его позиция совпала с позицией большинства советских ученых) Пушкин стал не только истоком культуры последующих веков, но и условием верного ее понимания и толкования.

³¹ Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 206.

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ ПЕТРА СТУЧКИ

Кафедра русской литературы

ПРОБЛЕМЫ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
РИГА 1983